

**ЗВЕЗДЫ
НАУЧНОЙ
ФАНТАСТИКИ**

DARIO TONANI

CRONACHE DI MONDO 9

ЗВЕЗДЫ
НАУЧНОЙ
ФАНАСТИКИ

ДАРИО ТОНАНИ

ХРОНИКИ
РЖАВЧИНЫ И ПЕСКА

Перевод с итальянского: Марина Яшина

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.133.1
ББК 84(4Ита)
Т57

Dario Tonani
CRONACHE DI MONDO 9

This edition published in agreement
with Piergiorgio Nicolazzini Literary Agency (PNLA)

Печатается с разрешения Dario Tonani
и агентства Piergiorgio Nicolazzini Literary Agency

Перевод с итальянского: *Марина Яшина*

В оформлении использована
иллюстрация *Михаила Емельянова*

Дизайн обложки: *Юлия Межова*

Cronache di Mondo9, Copyright © 2014 Dario Tonani
© Марина Яшина, перевод, 2022
© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2022

*Джузи, ты — цель, путешествие
и желанные остановки в пути*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

МИР9

ПРОЛОГ

Завтра мир будет другим.
«Небесному кораблю»,
древняя молитва кочевников

Горизонт чист.

Преследовавший нас корабль исчез. Испарился.

Песок — наш.

Но меня это не радует, хотя и должно. На корабле то и дело внезапно падает давление, котлы едва работают, двигатели — на последнем издыхании. Наше продвижение вперед по дюнам — это постоянный риск, чистая авантюра. Мы не погибнем от рук врага, но, чувствую, свои права на нас предъявит пустыня.

По пути в каюту я сделал небольшой крюк — прошел по носу корабля, мимо люка с пневмошарнирами. Меня бросило в дрожь: думаю, больше сюда приходить не буду.

Гарраско поднял голову от бортового журнала, посмотрел на стеклянную банку на письменном столе и убрал накрывавший ее платок. Внутри, в чистом песке высотой в пять пальцев, дремал маленький

чертополох-ржавоед — молчаливый сосед Гарраско по каюте.

Ни стебля, ни венчика видно не было: крошечная пустыня полностью укрывала растение.

Рядом стояла плошка, где горкой лежали старые винтики и болты. Гарраско взял первые попавшиеся и бросил в банку.

Поначалу ничего не произошло. Он снова зажал пальцами перо и вернулся к журналу, но банку платком накрывать не стал...

Возможно, следует поговорить с экипажем, но мне не хочется испытывать терпение людей. Они измучены, многие уже тридцать шесть часов не спали. Лучше бы мы все...

В песке образовался небольшой гейзер, что-то вылетело в воздух, подскочило на метр и упало на бумаги, испачкав последнюю строчку журнала чернилами. По листам рассыпались мельчайшие песчинки. Гарраско одной рукой стряхнул их, а другой взял винтик, выплюнутый песком. На нем не было и следа ржавчины, резьба стержня блестела как новенькая.

Гарраско повернулся и уставился на прозрачную банку. Чертополох-ржавоед выпрямил стебель и сжал венчик вокруг второго винта: казалось, он не боится встретиться взглядом с командиром корабля Робредо.

— Ах ты, чертов засранец!

Росток прижался к песку, раздумывая. И через секунду выстрелил вторым винтиком в стекло банки, разнеся ее в пух и прах.

— КАКОГО ХРЕНА! — Гарраско отпрыгнул.

Опрокинутые чернила пропитали песок, рассыпавшийся по страницам бортового журнала.

Гарраско примирительно поднял руки, выругался еще раз и, хлопнув дверью, вышел из каюты. И у него нервы были натянуты как струна. Сколько уже времени он сам не смыкал глаз? Наверное, лучше пойти на мостик, посмотреть, все ли в порядке у помощника. Пустыня — настоящая пустыня — всегда притягивала взгляд...

КАРДАНИКА

Приподняв козырек фуражки, страж песков смахнул капельки пота с блестящего черепа. Длинные черные дворники медленно чистили стеклогель, защищающий мостик, и смазывали его раствором из щелочей и минеральных солей. Первый день четвертого месяца пути выпал на пасмурную среду; к вечеру, видимо, соберется дождь. Этой ночью, как и прошлой, на Робредо были кое-какие неполадки: из-за того, что двигатели внезапно глохли, возникали трудности с маневрированием — разрешимые, однако достаточно неприятные, поэтому иногда слышались сигналы тревоги, заставляющие экипаж нервничать.

Неприятельский корабль, от которого они бежали, был огромным, но, к счастью, довольно медленным. И все же стычки с преследователями и отчаянное бегство не прошли даром: в котлах то и дело падало давление.

Уже больше шести недель экипаж не видел ничего, кроме постепенно уменьшающегося вдали корабля-

гиганта, дюн да выжженной солнцем земли: только пару раз однообразие этих бесконечных песков прерывалось видом огромных шарообразных кустов, которые вяло перекатывались по пустыне, — внутри них, в камере, защищенной со всех сторон шипами, путешествовали Гхмор — кочевники ветров, жившие в субтропических районах Мира9.

Дворники беззвучно вернулись на место, чтобы не мешать стеклогелю допить остатки раствора. Робредо, предназначенный для выживания в экстремальных условиях, требовал неусыпного труда всего экипажа. Гарраско Д. Брэй раньше служил стражем песков на четырех других грузовых судах, но ни одно из них не могло сравниться с этим потрясающим чудом техники: 36 колес — каждое 5 метров 40 сантиметров в диаметре, пескоизмещение более 25 200 тонн, 8 котлов, способных развивать мощность до 45 000 лошадиных сил, 73 члена экипажа, 6 изолированных отсеков и столько же запасных комплектов шин. В это произведение искусства из металла и стеклогеля встроены шесть шедевров машиностроения — шесть модулей, благодаря которым Робредо без сильной тряски мог преодолевать любые неровности поверхности: шесть пневмошарниров. Каждый из них сам по себе стоил больше, чем весь остальной корабль. Если Робредо погибнет, потерпев крушение в субарктических песках или пострадав от удара молнии в районе больших озер, пневмошарниры смогут самостоятельно отсоединиться и благодаря встроенной программе добраться до ближайшего порта, где их установят на первое подходящее грузовое судно. Любой судовладелец выложит за них головокру-

жительную сумму и без промедления наймет бригаду инженеров, способных вмонтировать пневмошарниры в корпус его корабля.

Никогда раньше Гарраско не видел, чтобы на судне их было больше двух. И никогда раньше — пневмошарниров последнего поколения, установленных на Робредо.

Помощник капитана Виктор Галиндез немного повернул штурвал влево. Послышался визг отполированных листов железа — корабль наклонялся для поворота. Грохот становился все оглушительнее, превратившись, наконец, в жалобный вой трущихся металлических частей. Виктор налег на штурвал, уперевшись ногами в палубу. Чтобы Робредо не увяз еще до начала поворота, скорость не должна падать быстрее, чем на пару миль в час. Стоя на мостике, Гарраско не сводил глаз с приборов.

— Достаточно, Виктор. — Он повернулся к иллюминатору на левом борту, набрал побольше воздуха и прижался лбом к стеклогелю — мембрана облепила лицо и вытянулась наружу. По-прежнему не дыша, Гарраско повернулся и посмотрел на корму. Потом отодвинулся, выдохнул и немного подождал, прежде чем снова набрать воздуха в легкие. — Отлично, начинай поворот.

Метрах в двадцати позади него корпус корабля начал нехотя изгибаться. Очевидно, с помощью пневмошарниров нос Робредо заставлял всю махину подчиниться и повернуть. На капитанском мостике скрежет металла стал оглушительным. Гарраско еще раз засунул голову в стеклогель и выглянул наружу. Податливая после недавней еды, тонкая эластичная мембрана натянулась,

прилегая к носу и губам. Гарраско надолго задержал дыхание, потом снова отстранился, помассировал щеки и взял наушники. Стоявший перед ним Виктор немного сдвинулся вправо, налегая всем телом на штурвал, чтобы увеличить наклон влево еще на несколько градусов. Гарраско снял вторые наушники с переборки и надел их на голову помощнику. Виктор Галиндез, стоя спиной к командиру, кивком его поблагодарил. От сильных толчков палуба заходила ходуном, и Гарраско, не удержавшись на ногах, влетел в обшивку правого борта. Даже через наушники приглушенный стон трущихся друг о друга металлических частей корпуса, которые выстраивались вдоль новой оси, вонзался в уши словно тысячи раскаленных игл. Мостик трянуло: раз, другой... и вдруг он начал лихорадочно содрогаться, будто поток энергии бил под самой палубой.

— Что происходит? — закричал Виктор, падая в кучу рычагов, маховиков и рукояток, разделявших капитана и штурмана. Его все сильнее охватывала паника.

Вдруг на мостике воцарилась тишина. Судя по показаниям приборов на панели, двигатели внезапно перестали работать.

— Мы заглохли,— объяснил Гарраско, помогая Виктору подняться.— Видимо, что-то снаружи нам мешало, и двигатели отказали.

Услышав сигнал тревоги, оба вздрогнули.

— Давления нет. Твою мать. Если котлы не заработают, то, учитывая крен, через полчаса мы начнем тонуть.

Виктор включил рацию и выплеснул в крике всю свою бессильную злобу. Страж песков взглянул на большой

циферблат на панели. Без давления приборы не работали. Существует только один способ узнать настоящую причину поломки: покинуть мостик, зайти в первый пневмошарнир и оттуда перебраться в другую часть корабля. Спускаться на землю опасно — если не подхватишь какую-нибудь инфекцию, тебя укусит комарокрыс. Еще опаснее — сделать по песку больше трех шагов.

Кроме того, через пару минут пневмошарниры иницируют программу автономного выживания (АВ), их гидромеханические составляющие примут форму, наиболее подходящую для отсоединения от Робредо, материнского модуля,— и в путь. А это значит, что: первое — Робредо погиб; второе — нужно торопиться. Малейшее промедление — и программа АВ не признает их и не впустит, посчитав незванными гостями. Или наоборот, впустит, чтобы использовать в качестве топлива или пластичной смазки.

— Возьмем оружие,— рявкнул Гарраско своему помощнику.

— Страж песков, у нас нет на это времени,— Виктор пытался открыть задраенный люк, за которым начинался первый лимб-коридор.

Гарраско схватил динамо-фонарик, оборвав резиновый шнур, которым тот был привязан к переборке, и посветил в полумрак ниши. Шагах в десяти, куда не проникал свет из иллюминаторов на капитанском мостике, начиналась густая тьма. До первого пневмошарнира им предстояло пробираться в полной темноте. Потом послышались звуки какого-то механизма, что немного обнадеживало: в пневмошарнире происходила трансформация — значит, он работал.

Вдруг Виктор, быстро шедший впереди, замедлил шаг. Его сапоги больше не стучали — слышалось только приглушенное шарканье.

— Что такое, черт возьми?! — крикнул Гарраско, в дюжине шагов за его спиной.

— Масло,— ответил Виктор, глядя вниз.— Этот чертов ублюдок пашет изо всех сил. Чтобы провести функциональную трансформацию, ему нужно девять баррелей масла. В пневмошарнире больше рельсов, шестеренок, поршней и карданных соединений, чем в городе с полусотней тысяч жителей.

— Знаю. Он просто пытается выжить. И его устраивает любое нетвердое вещество.

— И кровь, и человеческая плоть тоже. Главное, чтобы эти проклятые металлические детали были смазаны,— скривился Виктор и пошел дальше, стараясь не поскользнуться.

Мужчины преодолели почти две трети лимб-коридора. В каждом пневмошарнире их было два: здесь находилась зона утилизации, куда сливались отходы и переработанные продукты медленной механической трансформации; по сути, это масло, пластичная смазка, спрессованные непереработанные остатки и частицы металла. А главное — шум, самый бесполезный и самый объемный элемент отходов. И самый несносный, конечно. Гарраско с помощником приходилось двигаться, крепко держась друг за друга, чтобы не оказаться на заднице в теплом масле, которое на два пальца покрывало пол. Свет от фонарика едва прорезал темноту, но был бессилен перед сжиженным шумом, доносившимся из-за стальной стены в конце коридора. Несмотря на

наушники, мужчины чувствовали, как раздававшийся в темноте грохот пробирает до печенок. Когда свет от фонарика мигнул и погас, они испугались, что *голос* пневмошарнира поглотит их навсегда.

Наконец Гарраско с помощником добрались до разделяющей стены из закаленной стали, толщиной сантиметров в двадцать. В ней был сделан герметичный люк высотой метра полтора и шириной сантиметров восемьдесят.

Гарраско провел пальцами по гладкому металлу, и его опасения подтвердились:

— Температура слишком высокая. Дотронься тут.

Виктор коснулся стены и присвистнул. С момента остановки Робредо прошло не больше десяти-двенадцати минут.

— Если мы подольше тут постоим, не так жарко будет, когда зайдем внутрь.

— Да, но нельзя ждать, пока шарнир полностью остынет. На это может уйти несколько часов. Что, если к тому времени он уже будет в двадцати милях отсюда?

Бортовым журналом мне служит записная книжка, найденная в пневмошарнире. В общем, теперь я буду делать заметки, делаясь с белыми листами бумаги своими мыслями и впечатлениями от того, где мы оказались. Нам предстоит провести здесь много недель; видимо, это настоящее чудо техники. Виктор потрясен, да и я тоже. Имена на первых страницах этой книжки нас встревожили. Кто составил этот список? Зачем? И когда — до или после крушения Робредо? Карданик, как, видимо, называется пневмошарнир, неплохо о нас

заботится. Но меня начинает мучить тысяча разных вопросов.

Помощник попросил Гарраско отойти и, сделав шаг вперед, взялся за круговую рукоятку. Но она даже не пошевелилась, когда Виктор попытался повернуть ее по часовой стрелке.

— Заблокирована,— процедил он сквозь зубы и отдернул руку.— Все еще горячо! — Страж песков снял куртку, оторвал рукав и дал Виктору, чтобы тот обернул рукоятку тканью.

— Черт, теперь рука съезжает.

— Дай я.

Гарраско отстранил помощника, но и его усилия ни к чему не привели:

— Ладно, придется еще подождать.

Он посветил на циферблат часов и прислонился к стене коридора, так, что свет фонарика конусом падал на штанину брюк, сапоги и залитый маслом пол:

— Если я рассчитал правильно, то он разрешит посадку через четыре минуты. Сомневаюсь, что мы успеем дойти до противоположного выхода и добраться до следующего отсека.

Виктор молча кивнул, и Гарраско выключил фонарик. Все погрузилось в темноту.

— Ты когда-нибудь бывал в пневмошарнирах?

Грохот перестал быть таким оглушительным — значит, внутри происходит трансформация. Инфраструктура, наружная обшивка, машинное отделение, каюты уже были виртуально на своих местах, готовые переместиться туда и в реальности. Оставались не менее

важные мелочи: установка фланцев и муфт, лужение. Потом начнется третья фаза, большая часть которой будет происходить уже с потерпевшими кораблекрушение на борту, в течение трех часов после отделения от корабля. Именно это имел в виду Гарраско, говоря о том, что температура снизится. Воду, например, можно пить только через пять часов после посадки. Если, конечно, его знания в этом вопросе еще не устарели.

В Академии о теории пневмошарниров говорили туманно: объясняли, что это настоящее чудо механики и конструирования, требующее точнейших расчетов и выполнения («ювелирная работа», по словам преподавателей), однако не касались их преимуществ как модулей для выживания, способных стать автономными, если из-за кораблекрушения отпадет необходимость служить судну на колесах — помогать ему при поворотах и движении по пересеченной местности. Эти недомолвки привели к тому, что в рядах курсантов процветали легенды об опасности пневмошарниров. Якобы однажды в порт на одном таком добрались лишь полдюжины человек. Трое из которых были чудовищно изувечены. Однако все знали: хоть война и продолжается, кораблекрушения происходят редко, на большинстве грузовых и пассажирских судов нет пневмошарниров, а эти шестеро выживших, прежде чем добраться до цивилизации, провели в пути целых шестьдесят пять дней, преодолев почти восемьсот миль.

— Хочешь знать, бывал ли я когда-нибудь в пневмошарнире? — Губы Гарраско тронула горькая усмешка. — Да, в Академии один отсоединили от материнского модуля. Мы четыре недели слушали на нем лекции

и написали два экзамена. Но тот пневмошарнир был почти мертв... Отраватели из Гильдии постарались, чтобы он стал безобидным.

— То есть ничего не работало?

— Нет,— хмыкнул Гарраско.— Там были масло, пластичная смазка и все остальное, но если ты хотел посмотреть, как работают шкивы, ролики и шестеренки, то самому приходилось их крутить.— Он включил фонарик, чтобы проверить время. Бросил взгляд на циферблат, и свет сразу же окончательно погас. До того как дверь с таймером откроется, оставалось чуть больше полутора минут. Если, конечно, пневмошарниры не сломались из-за падения давления на Робредо. Гарраско швырнул фонарик на пол и продолжил: — Помню, я как-то спросил инструктора, какой яд дали пневмошарниру, чтобы его обезвредить. Но ответа не получил. Потом еще десяток раз пытался выяснить это у преподавателей и офицеров, пока, наконец, кто-то не сказал, что его просто *погрузили в сон*; они рассчитывают, что ему вернут функциональность, вмонтировав в военное судно, которое строят на верфи в Мехаратте.

— Погрузили в сон?

— Именно. Думаю, речь шла об *анестезии*. Мне всегда казалось, что пневмошарниры — нечто большее, чем просто служебные механизмы или аварийные модули.— Гарраско протянул руку, чтобы нащупать в темноте стальную переборку.— Пора.

— Ты готов?

— Да. Ты тоже? — Он ухватился за рукоятку и почувствовал, что она начала поворачиваться без малейшего сопротивления.— Мы сейчас войдем внутрь, а

выберемся отсюда только в первом порту, ты это понимаешь? Может, через год.

Во мраке коридора Гарраско услышал, как Виктор сглотнул, и распахнул люк, толкнув его плечом. Этот люк отделял их от пневмошарнира № 1. *Вспомогательного элемента Робредо.*

Правда в том, что мы чувствуем себя пленниками. В смысле, не потерпевшими кораблекрушение, а именно пленниками. Вроде бы нам ничего не угрожает. Но здесь куча нестыковок. Например, Кардаником невозможно управлять вручную. И потом, везде столько масла и ржавчины... вряд ли все механизмы до сих пор работают. Не говоря уж о том, как тут воняет. Воздух спертый, затхлый, а из-за того, что тут тепло и много пара, вонь становится просто невыносимой. Надеюсь, Виктор не совсем профан в механике. Мне нужно, чтобы он отключил эту проклятую пианолу с музыкальными цилиндрами.

Горячий розоватый пар окутал их потные лица, смешиваясь с запахом спертого воздуха и смазочного масла. Когда глаза привыкли к белесой пелене, на сером фоне переборки стали видны огромные алые буквы. *Вспомогательный элемент Робредо.* И буквы поменьше, появившиеся на панели, которую выдвинули два небольших рычага:

Модуль для выживания
номер 1, класс T9Y, 2 места.
Верфь Xtax'X, дата не указана.

АКТИВЕН. Приятного пребывания на борту.

Температура воздуха — 27 градусов по Цельсию (снижается).

Вода станет питьевой не раньше чем через 5 часов после посадки.

Туалетом можно пользоваться через 45 минут.

Слова написаны обычным лаком, который блеснул от пара. В пневмошарнире наверняка градусов на десять жарче, чем здесь утверждалось. Страж песков и его помощник справедливо сомневались в достоверности и всей остальной информации.

Переглянувшись, они бок о бок двинулись вперед. Все поверхности, казалось, сделаны из сплава, по цвету очень напоминающего латунь; тусклые хромированные детали покрыты тончайшим слоем конденсата. На потолке — лабиринт из труб и муфт. Этот пневмошарнир был новым и использовался раньше только для обслуживания обычного отсека — помогал кораблю наклоняться, чтобы тот без проблем преодолевал подъемы и повороты, — но ржавчина уже оставила на нем следы. Из первоначальной геометрии не сохранилось ничего или почти ничего. Переборки помещали свое место — откатились в стороны по рельсам или поднялись с помощью зубчатых шестеренок, видневшихся повсюду, даже на самых маленьких деталях. Внутренняя обстановка пневмошарнира была заметно усовершенствована с помощью приводных ремней и вращающихся осей. Казалось, здесь нет ничего, что нельзя передвинуть, поднять, опустить, наклонить или повернуть на сто восемьдесят градусов. Однако, если в

пневмошарнире есть разумная жизнь — а вряд ли было иначе, — она могла существовать в форме любого предмета и механизма, предназначенного для перемещения поверхностей и мобильных перегородок. Цель этого первого, поверхностного осмотра, заключалась как раз в том, чтобы выяснить, кто или что управляет маховиками, валами и вращающимися осями, шестеренками, муфтами и зубчатыми ремнями.

Вдруг заиграла музыка. Металлический звук, как из музыкальной шкатулки, раздавался, видимо, из цилиндра с дырочками, который вращался с постоянной скоростью. Когда мелодия закончилась, послышался щелчок, и зазвучала другая, будто цилиндры были поставлены в ряд, и как только замолчал один, на его место тут же перемещался следующий, а потом включалось воспроизведение. Такое не под силу ни одной пианоле.

Гарраско опустился в небольшое кожаное кресло, стоявшее перед несколькими панелями, которые пересекала длинная, но невероятно тонкая щель. Из нее пробивалась полоска света. Страж песков дотронулся до переключателя на правом подлокотнике, панели сместились вверх, и перед ним открылась ослепительная панорама. Пол и потолок пневмошарнира, казалось, были наклонены градусов на двадцать относительно линии горизонта, но составляли совершенно прямой угол с фигурой Виктора, который стоял рядом, тоже желая увидеть место крушения Робредо.

— Да, нас, похоже, ждет путешествие со всеми удобствами, — пошутил Гарраско, подходя к лобовому стеклу — ему хотелось разглядеть, как выглядит пнев-

мошарнир снаружи. Почти на всех грузовых кораблях обычное стекло заменили стеклогелем: он эластичнее и прочнее, правда, со временем становится непригодным, потому что поглощает насекомых и частички пыли. Еще один недостаток стеклогеля в том, что его сложно чистить. Очевидно, что в лобовое стекло пневмошарнира попадали комарокрысы, не могли выбраться и умирали от отсутствия кислорода. Падаль стекла переварило почти полностью, но перестало быть прозрачным — и поделаться с этим ничего нельзя.

Видно было не очень хорошо, но страж песков с помощником рассудили, что на пески из Робредо никто не вышел и корабль, по всей видимости, погружается в кратер; наверно, проблема случилась в средней части корабля, и неисправная колесная пара утащила с собой два соседних отсека, что нарушило равновесие корпуса и сцепление с песком. Из-за того, что поломка произошла во время поворота, спасти корабль уже не могло ничего. Выходит, и пневмошарниры не всесильны, как бы они ни пытались обеспечить комфортное пребывание офицеров на борту.

Минут десять Гарраско с Виктором молча наблюдали, как Робредо уходит в песок: огромные колеса двух центральных секций погружаются все глубже, а вывороченные пластины стеклогеля медленно стекают по гигантским протекторам, словно прозрачный мед. На раскаленных листах железа кипящие капельки воды, испаряясь, гонялись друг за другом; начал клубами выходить пар — значит, скоро пневмошарниры отделятся от материнского модуля. Возможно, другие выжившие члены экипажа наблюдали ту же сцену, укрывшись в

пневмошарнирах — незнакомцах, которым они были вынуждены доверить свою жизнь.

Когда панели поднялись, мелодия музыкальной шкатулки стихла — ее прервал монотонный звук постоянно падающих капель и приглушенный гул работающих зубчатых колес. От остальных семидесяти одного члена экипажа — ни крика, ни стона, ни звука. Забравшиеся в пневмошарниры спаслись, другие, видимо, погибли или под обломками судна, или в ядовитых песках, среди которых Робредо потерпел кораблекрушение. Переброситься с товарищами хотя бы словом было невозможно: в самом тонком месте толщина абсолютно непроницаемых переборок — больше двадцати сантиметров. Открыть пневмошарнир тоже невозможно — ни изнутри, ни снаружи. Модуль полностью автономен, и во время длинного пути до порта контакты пассажиров с окружающим миром исключены: необходимые минералы для метаболизма и данные для микроманевров пневмошарнир добывает из песка, а энергию, воду и координаты для движения по курсу — из воздуха.

Вдруг на нужное место встал следующий цилиндр, и полилась нежная мелодия. По крайней мере, музыкальный вкус у пневмошарнира № 1 безупречен. Потом музыка смолкла, и зазвучал металлический, какой-то андрогинный голос:

— Приветствую вас на борту. Меня зовут Карданик. Не пытайтесь со мной взаимодействовать.

Я просто музыкальный цилиндр. Который вам служит.

Au revoir.

Услышав эти слова, офицеры улыбнулись и тут же почувствовали прилив энергии. В коридоре, который привел их в пневмошарнир, шум становился все громче. Люк закрылся. По всей видимости, Карданик готовился отделиться от материнского модуля. Стать автономным кораблем. Вдруг пневмошарнир тряхнуло несколько раз, и это напомнило товарищам о страшных мгновениях, пережитых на палубе Робредо незадолго до кораблекрушения. Под ногами снова послышался приглушенный грохот. Потом где-то позади взорвался пар, заставив их вздрогнуть. Несколько минут из трубы извергался раскаленный белесый дым. Прогремел второй взрыв, а следом за ним — и третий. Помещение затянуло туманом, завоняло ржавчиной. Сладковатый аромат, чувствовавшийся здесь раньше, уступил место запаху машинного масла. Принесший его туман не рассеялся и через пятнадцать минут, когда свист выходящего пара резко прекратился. Гарраско и Виктор вытерли запотевшие стекла на своем новом капитанском мостике и обнаружили, что Карданик движется.

Виктор, наверное, не заметил, что справа от нас есть дверь — закрытая, но запоров не видно. Она наполовину завалена тюками с комбинезонами и сменной одеждой для членов экипажа. Не буду пока ничего ему говорить — посмотрю сначала сам. Подожду, когда он уснет. Мы оба едва стоим на ногах. Может, отложу до завтра. Мне страшно. Сижу, листаю список членов экипажа Робредо. Здесь так тесно. Вокруг без конца двигаются какие-то механизмы, все постоянно меняется. От того,

что смотришь из окна, не легче. Виктор нашел какие-то шашки и играл чуть ли не час.

Удивительно, но на приборной панели перед командирскими креслами нет ничего — никаких кнопок. Ее поверхность слегка наклонена, а край немного выступает — так, чтобы предметы не скатывались на пол. На подлокотниках своих кресел Гарраско с помощником нащупали несколько переключателей. Снова заиграла музыка, и панель из дымчатого стеклохарда опустилась на лобовое стекло. Небольшой регулятор защелкнул замок, и одновременно открылся ящик, который по рельсам прикатился к офицерам. Внутри обнаружилось несколько заточенных карандашей, бинокль, деревянный инкрустированный портсигар и записная книжка, на кожаной обложке которой изящными золотыми буквами было написано: **БОРТОВОЙ ЖУРНАЛ (МОДУЛЯ) ПОЖИРАТЕЛЯ МЯСА.**

— Ого, смотри-ка! Спасибо, Карданик,— возглас Гарраско прогремел в тишине каюты.

— Ни одной кнопки, ручки или рычага. Мы ведь, кажется, не сможем ничем тут управлять. Зато название бортового журнала — лучше не придумаешь.

Оглядевшись по сторонам, Виктор надавил на кнопку, которую они не заметили при первом осмотре. Музыка оборвалась, и послышался странный звук — будто что-то царапалось о зубчатую поверхность, а потом упало на землю и укатилось прочь.

Гарраско взял записную книжку и быстро ее пролистал. Страницы испещрены символами, напечатанными на пишущей машинке. Вперемешку с ними

шли чертежи всяких механических конструкций: вставленные друг в друга зубчатые колеса разных размеров, маленькая шестеренка, сцепленная с большой «ласточкинским хвостом», набор карданов и других мелких деталей — то ли шестигранных, то ли гаечных ключей. Кроме этого Гарраско разобрал отдельные фразы из разговоров, банальные повседневные мысли и грубо сделанные наброски, совсем не похожие на точные технические чертежи. Словно тот, кто заполнял этот журнал, то работал, то устраивал себе отдых и развлекался, решив записывать обрывки услышанных разговоров и рисовать все, что видел вокруг себя. Или *внутри* себя. В любом случае, и для слов, и для чертежей, нужно было отделять лист за листом от кольцевого переплета и вставлять бумагу в машинку — либо печатную, либо с чертежным пером. Размером буквы были примерно в половину тех, которые печатает обычная машинка. В рисунках же угадывалась старательная, но очень неумелая рука, будто пером водили с закрытыми глазами, в каком-то трансе.

Начав читать первую страницу, страж песков нахмурился. Перед ним был список фамилий, и около каждой стояла буква и странный значок.

— Виктор! — позвал он. — Посмотри-ка сюда. Здесь имена всего экипажа Робредо. И рядом с каждым символ — никак не могу понять, что он означает.

Помощник вытянул шею, рассматривая страницу:

— Наверно, такой есть в каждом пневмошарнире. Может, что-то вроде учетной записи, которую нужно заполнить, если попадаешь на борт: указать фамилии

выживших, звания и обязанности на материнском модуле и здесь, на Карданике.

— Да нет, Виктор, смотри — тут некуда что-то еще вписывать. По-моему, уже все заполнено. Символы означают что-то другое. — Он обвел глазами помещение.

— И что же?

— Не представляю. Не вижу логики. Вот, здесь есть и наши имена. Но значки рядом с ними отличаются от остальных. А ведь на Робредо кроме нас есть и другие офицеры.

— И что это значит? Может, список составлен по какому-то другому принципу, а не так, как принято.

Гарраско кивнул:

— Вполне возможно. — Закрыв книгу и положил обратно в ящик. — Попробуем разобраться, когда лучше узнаем нашего хозяина.

Слева от кресел раздалось дребезжание — заработала конвейерная лента. Она совершила пару поворотов, исчезла за переборкой и закончила ход за спинками командирских кресел. Виктор и Гарраско развернулись как раз в тот момент, когда конвейер с грохотом ставил на поднос два тяжелых металлических котелка, к которым быстро присоединились такие же кружки и пара ржавых ложек. Несмотря на то, что поверхность была намагничена, одна из кружек упала на пол.

— Наш обед.

— Похоже на то.

Послышался металлический щелчок, конвейер остановился, и снова стало тихо. Гарраско подошел к подносу, взял ложку и принялся ее разглядывать:

— Масло,— сказал он, наблюдая за струйкой, стекавшей по пальцам.— С гигиеной тут неважно.

С потолка, в другой части комнаты, сорвалась капля. Гарраско поднял голову и посмотрел вокруг. Перевел взгляд на поднос с обедом. Открыл котелок и с удивлением обнаружил, что в нем пусто:

— Кажется, обедать еще рано. Да и воду пока пить нельзя, помнишь? — он снова сел в кресло и вытащил из ящика записную книжку. На кожаной обложке — несколько темных пятен. В конце наверняка остались чистые страницы.

— Смотри, что я нашел,— Виктор показал доску для шашек. Латунные фигурки были смазаны каким-то розоватым маслом.

— Да и правда, нужно отвлечься. Я сделаю несколько записей.

В полумраке за их спинами с труб на потолке упала еще одна капля.

Я не смог открыть дверь за грудой тюков. Хочу есть, мне не по себе. Мы вообще ничем здесь управлять не можем.

Временами, когда Карданик перепрыгивал через яму или забирался на дюну, внутри чувствовались толчки, но потом движение снова становилось плавным. Программа сразу корректировала параметры сцепления с песком и, выпрямляя пол или угол наклона кресел, смягчала любую неровность дороги. Каждое действие сопровождалось лязганьем металлических деталей, которое прекращалось, как только оптимальные

настройки были выполнены. Они будто бы плыли в стакане с водой: даже если его наклонить, твое положение относительно поверхности жидкости не изменится. Только здесь этот процесс не был столь же бесшумным — как не был и таким естественным. Создатели пневмошарнира смогли лишь отчасти повторить поведение жидкости в изменяющем положении сосуде, но и это удалось благодаря технологиям в механике и производстве смазки, равных которым во всей известной вселенной не сыскать.

По-своему Карданик был почти идеальным, но слишком шумным и медленным, чтобы обеспечить комфортное путешествие. Однако даже грохот огромного количества балансиров, противовесов и стабилизаторов не помешал офицерам заснуть: их убаюкал стук ритмично падающих капель где-то в глубине помещения и тиканье часов, висевших над лобовым стеклом мостика. Это были звуки механизмов, которые и служили двигателями Карданика, как сердце служит двигателем кровеносной системы.

Пленники, настоящие пленники, в этой блестящей, обильно смазанной маслом латунной камере. Мы не понимаем принципов работы трех четвертей всех механизмов (и никак не можем ими управлять). Потолок, например, весь усеян трубами — подтекающими, в разводах от осадка и пятнах старой смазки. Я знаю — видел в Академии — у пневмошарнира бак с маслом располагается на крыше. Оттуда топливо спускается в канал, посылая живой импульс поршням и коронным шестеренкам. Но и на уровне пола есть маленькие баки, из

которых смазка перекачивается небольшими паровыми насосами и циркулирует по кругу. Если вдруг масло и пар решат не взаимодействовать, мы здесь в буквальном смысле зажаримся. А ведь от этой тюрьмы ключей нет. Мы именно что пленники. ПЛЕННИКИ.

Виктор дотронулся до капли на полу и растер жидкость между пальцами, пытаюсь понять, что это. Теплая и вязкая. И ярко-красная. Мороз пробежал у него по коже. Перед глазами промелькнул бледно-розовый цвет шашек и сифонов с паром, темные пятна на трубах над головами.

— Черт подери!

Это просто невозможно. Наверняка есть другое объяснение. От одной мысли о том, чтобы попробовать эту жидкость на вкус, Виктора чуть не вырвало.

— Страж песков! — закричал он. — Глянь сюда.

Гарраско оторвался от записной книжки и посмотрел на помощника:

— Что случилось? Просто труба подтекает.

Виктор снова присел и, еще раз коснувшись пальцем алой жидкости, показал командиру:

— Ты тоже об этом подумал?

Гарраско кивнул, молча уставившись на лужицу, а потом перевел глаза на потолок, пытаюсь понять, откуда могла упасть капля. Там, среди труб, кто-то или что-то истекает кровью...

Нужно пораскинуть мозгами. Я приказал Виктору взять себя в руки. Но он впал в истерику и швырнул свои шашки в одну из переборок. Фигурки рассыпа-

лись по полу с оглушительным звяканьем. Я так сильно его ударил, что он упал. Теперь сидит в кресле, тупо уставившись в одну точку за панелью из стеклохарда. Мы оба прекрасно понимаем, что между трубами просто физически нет места для тела, из которого может вытечь столько крови. В смысле, для тела целиком. И я, и Виктор боимся, что эта кровь — не животного. И даже не целого человека. Еще мы обнаружили, что и в других частях Карданика трубы подтекают (не так сильно). Если бы только у нас был крюк... На место первой лужицы мы поставили тазик из латуни. Стыдно признаться, но тому парню наверху мы решили дать имя. Если когда-нибудь эти записи прочитают, я хочу сказать, что мы просто пытаемся выжить, и находка, сделанная полчасика назад, совершенно выбила нас из колеи. Поверьте, в первый раз в жизни я ударил товарища. Но мы должны сделать все, чтобы не поддаться панике. Пусть даже какие-то глупости, за которые нас, вполне возможно, будут судить военным трибуналом. Теперь вы понимаете, почему мы дали имя парню, зажатому между труб? Его зовут Гром.

Щелк. Гарраско резко поднял голову от записной книжки. Несколько секунд цилиндр хранил тишину, а потом снова раздалась музыка, но слишком медленная. Что-то опять щелкнуло и с грохотом упало на пол. Второй щелчок означал, что на место предыдущего уже встал новый цилиндр.

— Карданик жив, Карданик поел

Карданик вас накормит, Карданннннннннннн...

Механизм заклинило, и этот цилиндр тоже упал на пол и укатился прочь. Больше пианола не издавала никаких звуков.

Мостик был погружен в густую голубоватую полутьму с тех пор, как панель из стеклохарда опустилась. Они хотели ее поднять, но никакая команда не действовала. Наклонившись, Гарраско подобрал один из цилиндров с дырочками — тот тоже был весь измазан кровью. Виктор наблюдал за ним, сжав кулаки.

Конвейер за спинами снова начал двигаться — сначала рывками, то и дело застревая, но потом набрав скорость. Из-за переборки с дребезжанием выкатились котелки и кружки. На полпути на пол свалилась ложка. Лента, грохоча, ускорялась. Шла все быстрее и быстрее. Вдруг один из роликов вылетел и с грохотом ударился о трубы, которые поднимались к потолку над самой головой Гарраско. Лента разорвалась, встала дыбом; посуда с металлическим бряканьем посыпалась на пол. Под ногами бесформенной лужей разлился красный бульон, в котором плавали бобы, кусочки поджаренного мяса и, как показалось на первый взгляд, человеческий пенис.

Из пианолы раздался андрогинный голос Карданика, а с потолка полился ослепительный неоновый свет.

— Еда,

еда, еда, еда,

еда, еда, еда, еда, еда, еда,

еда, еда, еда, еда, еда, еда, еда, еда, еда,

еда, еда, еда, еда, еда, еда, еда, еда, еда, еда, еда,

еда, ЕДА и СВЕТ. Переком-

поновка завершена, воду можно пить, температура на борту — 29 градусов по Цельсию.

Лязг, который сопровождал предыдущие фазы трансформации, прекратился, и воцарилась тишина, прерываемая только звуком падающих капель крови Грома в латунный тазик и на пол в других частях Карданика. В холодном свете неоновых ламп обманчиво казалось, что все вокруг покрыто налетом жира разных цветов — от янтарного, как смазочное масло, до темно-коричневого, от черного, как осадок, до бурого, как свернувшаяся кровь. Сухих поверхностей здесь почти не было, если не считать тех, что находились в части помещения, погруженной во тьму — там с трудом можно было что-то разглядеть. Например, сразу за командирскими креслами начинался мрак, из глубины которого доносился звук падающих капель. По всей видимости, туда Грома и засунули — кто-то или что-то. Как бы напряженно офицеры ни всматривались в потолок, они видели только густую тьму, из которой на пол медленно капала темная кровь.

— Хреново. Хотелось бы его вытащить. Или хотя бы посмотреть, кто это, — проговорил Виктор и подошел к тюкам с одеждой. Он надеялся, что где-нибудь здесь найдется крюк или фонарик. Гром вдруг стал его навязчивой идеей; Виктор не мог думать ни о чем другом — ему нужно было разгадать эту тайну, которая скрывала происхождение красных капель, падающих им на головы. В поисках фонарика он начал выбрасывать из тюка все подряд: легкую одежду, постельное белье, рабочие рукавицы, свитер с узором, какие-то слежав-

шиеся тряпки. Наверно, они припасены для удобства пассажиров, но сейчас пользы от этого барахла не было никакой.

Наконец Виктор нашел, что искал, — динамо-фонарик, — и потными пальцами нажал на переключатель. Фонарик светил тускло и тревожно мигал. Гарраско поворачивался в кресле, отталкиваясь ногами, и следил за лучом, который обшаривал трубы на потолке. К горлу у него подступил комок. Вдруг Виктор вскрикнул и уронил фонарик. Нагнулся, чтобы поднять, но ноги подкосились, и он упал ничком, опрокинув таз с кровью. Лежа щекой в алой луже, через несколько мгновений он услышал шаги сзади и увидел, что фонарик снова направлен на потолок.

— Ни хрена себе!

Это присвистнул Гарраско. И в тот же момент что-то мягкое и мокрое свалилось на Виктора сверху.

У Грома четыре руки и, по крайней мере, столько же ног. Их засунули между труб, и как только Гром прошел решетку между одной трубой и другой, его положили поперек, чтобы он не упал. Конечности выбрали потому, что между трубами можно просунуть только их. Ни туловища, ни головы у Грома нет. Но это не все: из каждой руки и ноги торчит эластичная трубка, которая, изгибаясь углом, соединяется с большой трубой. Та, в свою очередь, ведет к сборному коллектору, скрывающемуся во мраке на потолке. Здесь создана гидравлическая система, которая работает на человеческой крови. Карданик может двигаться и говорить, потому что у него есть кровь Грома. А Гром — это два, а может, и три человека.

Того, чья рука свалилась на Виктора, судя по татуировке, звали Спайс. Или он любил какую-то Спайс.

— Н-н-нам н-надо в-выбираться отсюда... — Виктор умоляюще смотрел на стража песков, язык его заплетался от ужаса при мысли о том, что таят в себе тени за спиной Гарраско. Склонившись над помощником, страж песков приложил руку ко лбу. У Виктора был жар. Гарраско подумывал, не привязать ли его к креслу. Боялся, что товарища снова охватит гнев и он, кто знает, набросится на какое-нибудь устройство, которое нанесет ему еще больший вред. «Или отдаст нас Карданику», — подумалось ему. Гарраско не хотелось, чтобы пневмошарнир почувствовал слабость одного из них и еще сильнее уверился в своей невысказанной бредовой идее всемогущества. Больше всего его страшила перспектива остаться с Громом и его товарищами один на один. Виктор прав, нужно выбираться.

Гарраско снова пощупал лоб помощника. Тот покрылся испариной, глаза лихорадочно блестели, а губы дрожали, беззвучно шепча слова молитвы. В таком состоянии он был уже тридцать шесть часов — с того момента, как они обнаружили кровавый свод из изуродованных тел у себя над головами. Гарраско неотрывно наблюдал за Виктором, сидя в кресле рядом и не вставая; ненадолго закрывал глаза и тут же снова просыпался, внимательно оглядывая все вокруг. На коленях у него лежала записная книжка, а в штаны, на уровне бедра, вцепилась горячая рука Виктора — тиски, которые не ослаблялись ни на миг. И он, в плену этих одеревеневших пальцев, читал и перечитывал пропи-

танные маслом страницы, внимательно изучал рисунки, просматривал список имен, повторял вполголоса обрывки фраз и делал собственные заметки. Почему-то записи в этой книжке напоминали ему хаос мыслей, который иногда бывает в голове по утрам, после беспокойного сна. Пару раз конвейерная лента неловко пыталась начать движение — долго-долго дребезжала, ролики проскальзывали по резине, как по развевающимся лохмотьям мертвой кожи, а шестеренки вращались вхолостую. Стоило котелкам и ложкам появиться из-за перегородки, как они тут же с грохотом падали. По полу разлились лужи из красного бульона с весьма неаппетитными кусками мяса, мелкими металлическими деталями и клочками волос.

Гток.

— Если хочешь выжить, отдай мне Виктора. Он мой. Сам я забрать его не могу, ты должен мне помочь.

Тогда выживешь. Виктор слаб, он не оправится.

Ему здесь не нравится, поэтому я начал его убивать.

У меня есть ддрдрдрдр...

Голос заклинило, цилиндр вывалился из пианолы и покатился по полу.

Виктору, видимо, очень плохо. Я искал аптечку, чтобы дать ему антибиотик, но ее нигде нет. Все на Карданике в таком беспорядке — как, наверно, и на любом корабле. Кругом одни механизмы, если не считать валяющейся на полу посуды. Аптечка, если и есть, скорей всего спрятана в отсеках за переборками, но туда можно попасть только через дверцу люка с таймером. Ее поверхность

совершенно гладкая и такая скользкая из-за слоя масла, что никаким острым предметом невозможно подцепить. Видимо, она откроется сама, когда придет время. Когда будет нужно. Или когда уже будет поздно. Наверняка есть и другое объяснение беспорядку на Карданике: любая деталь здесь может сдвинуться, переместиться или повернуться вокруг своей оси. В геометрии каждой плоскости, каждого угла, каждой формы есть какая-то дерзкая симметрия. Из-за нее ты теряешь чувство ориентации в пространстве. Мозг постоянно рискует утратить свои точки опоры: на зрение полагаться нельзя — того и гляди обманет. Ощущение, что иногда я хожу вниз головой, и как работает гравитация — непонятно. Мне кажется даже, что кровь Грома не всегда падает вниз. А ведь пол — это единственная поверхность, которую можно отличить от других; остальные же — и стены, и потолок — представляют собой беспорядочное сплетение змеевиков, труб, неоновых ламп и плоских поверхностей. С неожиданными провалами в этом хаосе металла и смазочного масла. Когда что-нибудь начинает двигаться, шестеренки и карданы — вращаться, фланцы и муфты — крутиться, хочется только лечь и ждать, пока все это закончится.

Гарраско смотрел, как Виктор мечется в бреду, обливается потом и бормочет что-то несвязное. По его штанам расплзлось темное пятно. Под глазами обозначились темные круги.

Страж песков подобрал с пола металлический цилиндр и повертел в руках. Внимательно его разглядывая, он терялся в догадках, откуда взялись эти дырочки

для воспроизведения голоса. Хоть доказательств у Гарраско и не было, он не сомневался: на борту Карданика кроме них с Виктором никого больше нет. Ему даже пришла в голову мысль, а не сделан ли этот цилиндр намного раньше, не придумана ли вся история их плена еще до того, как они покинули Робредо. Бегство от неприятельского корабля, записная книжка, музыкальные цилиндры, список имен — что, если все это — часть плана, разработанного много недель назад, плана, который в последние несколько часов так эффективно воплощается в жизнь. Безумие! Это просто невозможно.

Их судьба, выгравированная в золотистом металле внутри пневмошарнира; выжженная в этой тюрьме из блестящих от крови деталей и смазочного масла.

Нет, это невозможно. Бред какой-то. Их одиночество, Гром, медленно умирающий Виктор, который, полузакрыв глаза, смотрел на то, что Гарраско видеть было не дано. Пока не дано. Может, Карданик и прав, может, он должен заплатить, чтобы все узнать, пожертвовать чем-то. Отдать ему Виктора.

Гарраско поднялся. Решение принято. В конце концов, его товарищ все равно умрет. Что сказал цилиндр? «Я начал его убивать». Виктору уже не поможешь. А он хотя бы попытается во всем разобраться. Да, это его долг перед товарищем. Гарраско прокашлялся и посмотрел прямо перед собой.

— Ладно. Я отдам тебе Виктора. Но ты должен сказать, кто все это придумал, — его дрожащий голос отражался от покрытых маслом стен. — Ты дашь мне дописать конец истории.

За спиной что-то со звяканьем покатилося. Потом Карданик погрузился в тишину. Виктор перестал бредить; в его потухшем взгляде теперь чувствовалось успокоение, словно он получил ответы на все свои вопросы. Гарраско опустилсЯ в кресло. Наклонился над товарищем и увидел, что предплечье Виктора пронзила длинная тонкая игла. Она высовывалась из крошечного шприца, который торчал из подлокотника. Тот, кто это сделал, даже не позаботился о том, чтобы вернуть шприц на место.

Гарраско инстинктивно проверил обе ручки собственного кресла. Не нашел ни одного клапана, который мог открыться. Он сел в правильное кресло. Это судьба. А может быть, вовсе не судьба заставила его сделать этот выбор. Виктор был мертв. Гарраско проверил пульс и, вытянув руку, бережно прикрыл ему веки. Он бы отдал его Карданику. Но не знал, как и где.

— ТЫ ЕГО УБИЛ,— в ярости прокричал Гарраско.— ЧЕРТОВА СКОТИНА!

Над головой раздался звук, которого он еще ни разу не слышал. Металлический, издевающийся хохот шестеренок.

За спиной Гарраско закрипели плохо смазанные петли: открылась дверца сантиметров семидесяти в высоту, из-за нее лился бледный голубой свет. Подойдя ближе, страж песков внимательно ее осмотрел: с этой стороны на дверце не было ни ручек, ни выступов, за которые можно ухватиться. Края так плотно подогнаны к стене, что в щели невозможно просунуть даже тонкое лезвие. Сделанную из точно такого же металла, как и переборки, гладкую, без запоров, дверцу можно

было обнаружить лишь случайно. Гарраско понял это теперь, когда она открылась. Перешагнув через тюки с одеждой, он вошел внутрь и очутился в очень маленькой комнатке; в центре стоял большой резервуар цилиндрической формы с клубком трубочек на крышке. В верхней части емкости находился иллюминатор, через который голубое сияние разливалось вокруг. Страж песков провел пальцами по металлу: как и все остальное в пневмошарнире, чан был смазан маслом. Отходящие от крышки трубочки поднимались к потолку, извивались всевозможными способами и разветвлялись во все стороны, становясь тоньше и тоньше. Под иллюминатором Гарраско заметил выгравированную надпись. Буквы трудно было разобрать из-за масляного налета. Он вытер поверхность рукой. И, прочитав, вздрогнул.

«Виктор Галиндез, помощник капитана Робредо».

Гарраско отступил и присел на корточки. Как такое возможно? Карданик просил принести сюда товарища. Точнее, приказывал. Именно здесь было его место, его могила. Гарраско должен опустить тело в чан, наполненный люминесцирующей голубой жидкостью. Теперь ему казалось, что резервуар специально сделан по размерам человека: иллюминатор как раз на уровне лица, надгробная надпись — на уровне сердца. Он перечитал мелкие буквы: «Виктор Галиндез, помощник капитана Робредо. Мясо на пути мяса. По-прежнему у штурвала».

Я отнесу Виктора в резервуар. Дело, конечно, не (только) в приказе Карданика, а в том, что сейчас это единственное разумное решение. Раз там место Виктора, то

я, разумеется, должен его туда принести. И тогда я буду ближе к Карданику и к разгадке. Но сначала пару часов посплю. Я очень устал. Не знаю, сколько в таком состоянии смогу выносить одиночество. Может, помолиться? Нужно ли снять с Виктора рубашку и штаны? Тогда от него останется хоть что-то, что можно отдать семье. Тело, наверно, они не получат. Или сделать это прямо сейчас? Хватит ли у Карданика терпения подождать, пока я проснусь? Плевать. Но если Виктор не попадет на свое место... Что написано на резервуаре? «Мясо на пути мяса. По-прежнему у штурвала». А на обложке записной книжки? Так. «БОРТОВОЙ ЖУРНАЛ (МОДУЛЯ) ПОЖИРАТЕЛЯ МЯСА». Я устал. Потолок кружится. Надо лечь.

Гарраско был на борту уже сорок два часа. Все это время он не спал, лишь на несколько минут забывался беспокойным сном и просыпался с раскалывающейся головой, держа на коленях раскрытый бортовой журнал. И ничего не ел, кроме таблетки сухого какао. Выпил только пару стаканов воды, от которой воняло хлоркой.

Впервые с последней ночи на Робредо Гарраско крепко заснул.

Виктор стоит перед закрытым люком. Руки висят по бокам, лицо пустое, словно маска. Кожа лоснится. С манжет рубашки что-то стекает — это точно не пот. Да, руки и лицо у него в смазочном масле. Виктор надолго застыл перед переборкой, на которой едва угадываются очертания дверцы. Кажется, его неподвижное тело выжимает из своих пор вонючее масло, оставля-

ющее на рубашке большие черные пятна. Дверца медленно открывается. Гарраско видит пар, заполняющий отсек, и льющийся оттуда голубой свет. Виктор перешагивает через порог, тает в облаке люминесцентного тумана, и дверь так же медленно закрывается.

Гарраско резко сел. Почувствовал горечь во рту и масло на губах. Должно быть, пока он спал, несколько капель упало с потолка. Страж песков провел ладонью по губам и посмотрел на пальцы, проверяя, нет ли следов крови. Нет, это просто масло: Гром милостив. Если верить Карданику, он проспал почти пять часов. Температура снизилась на пару градусов. Гарраско озяб. Попытался встать, но голова закружилась, и он снова лег. Пол тоже стал холодным. Очень осторожно Гарраско уперся локтями, перекатился на бок и опустился на колени. Увидел тазик, наполненный до краев: надо бы его вылить. Гром будет благодарен. Он встал и посмотрел вокруг. Снова это ощущение, что он не ориентируется в пространстве, не может разобраться, где верх, где низ, где право, где лево. Гарраско потер глаза. Он словно внутри яйца, хотя в Карданике углы не просто есть — их миллионы. Однако что-то стало не так. Гарраско чувствовал. Снова открыв глаза, он еще раз огляделся по сторонам. Четыре стены вроде бы поменялись местами. А сверху Гром, зажатый между трубами, кажется, переместился ближе к левой переборке. Тазик, похоже, тоже передвинулся, съехав по полу. Вдруг он понял. И снова закрыл глаза: хотелось дать волю слезам. Пусть они текут по лицу, по щекам, перепачканным черным маслом.

Тела Виктора больше не было. Он остался один.

Больше я, наверно, писать не буду. Может, и эти страницы уничтожу. Я стал писать, думал, что это поможет мне разобраться, что так я дам своему разуму какую-то точку отсчета, точку опоры. Чтобы не сойти с ума, когда буду смотреть вокруг, на все эти поверхности, которые растягиваются и сжимаются, на крутящиеся шестеренки,двигающиеся стены, вращающиеся углы. И все покрыто слоем масла толщиной в ноготь, океаном масла. С волнами и прибоем. Дверца люка опять закрыта. И открыть ее не получается. По крайней мере у меня. Может, люк закрыл Карданик, а может и Виктор. Не знаю. По моему, здесь все стало по-другому: и стены, и потолок, и кресла на мостике... Мне снилось, что Виктор сам туда пошел. Ему удалось открыть дверцу люка, не знаю как. Он был жив — по крайней мере, сам встал с кресла и подошел к ней. Я оставил дверцу открытой, но во сне она была закрыта. Ее открыл Виктор. И вместо пота у него масло. Теперь он там. Мясо на пути мяса.

Карданик молчит, но он начал активнее работать: постоянно что-то перемещает, передвигает. От лужи с остатками нашего обеда, где плавали куски мяса в соусе из крови, не осталось и следа: кто-то хорошенько здесь все затер. Посуда тоже убрана, конвейер отремонтирован. Сломанный ролик заменен на новый, а поперек резиновой ленты — длинный шов. И есть еще кое-что, мой разум не в состоянии это объяснить. А кожа, видимо, может. Я продрог, здесь очень холодно. А чтобы снизить температуру, нужно много энергии. Именно об этом я и говорю: Карданик проснулся. Раньше он был инертным, а теперь стал сверхактивным. Да, согласен, он молчит. Но дело не в этом (музыкальные цилиндры

по-прежнему валяются на полу). Боюсь, их никто не будет подбирать, ведь они больше не нужны: меня пугает мысль, что Карданик может заговорить со мной голосом Виктора. Хотелось бы увидеть, как он лежит, погруженный в этот светящийся голубым чан. Интересно, Виктор в одежде или снял ее и аккуратно сложил штаны на трубу, вделанную в стену. Жаль, что он не оставил одежду по эту сторону люка — тогда я смог бы вернуть его близким что-то кроме этого журнала. Почему я так уверен, что выживу? Я просто верю, вот и все. Да, верю, стараюсь быть оптимистом и надеюсь на лучшее. Раньше этой уверенности у меня не было. И чтобы она появилась, одной энергии, конечно, мало. Нужно что-то еще. Теперь, рассматривая все вокруг, я впервые понимаю, чем, по-моему, на самом деле является Карданик: зверем, огромным зверем, который очнулся после спячки. И впервые за долгое время поглощает пищу. В трубах то и дело что-то грохочет: бульканье, урчание, а потом звук такой, будто кто-то рыгает и пукает. Мясо на пути мяса. По-прежнему у штурвала. Зверь не разговаривает, но живет своей жизнью. Вчера, то есть четыре приема пищи назад, он поднял панель, которая закрывает лобовое стекло, и я увидел пейзаж снаружи — песок, небо, горы. Мы двигаемся быстро. Даже пахнет здесь теперь приятно, пряным табаком.

Я вроде бы начинаю понимать. Журнал, список имен, рисунки... Карданик — это живое существо. Пока пневмошарнир был частью Робредо, он просто спал и видел сны. Наброски, чертежи деталей — это всего лишь сны. Сны животного, которое слышит, как вокруг кипит жизнь, как люди громко кричат друг другу какие-то

слова и раздают команды, как что-то грохочет, экипаж переговаривается на койках, а в недрах металлического корпуса раздаётся скрежет. Карданик все регистрирует, записывает любой обрывок разговора, обращает внимание на каждую мелочь. Знает, что Виктор любит нести вахту в одиночку, что он абсолютно здоров, а я, в случае чего, могу обойтись и без него.

Я привык есть одновременно с Кардаником. Он — через трубы, я — с конвейера (который дожидается, пока я закончу). Карданик, честно говоря, слишком громко чавкает, но меня это не раздражает. Я знаю, что мы получаем из пищи одни и те же вещества: жиры, сахар, углеводы, белки, витамины, минеральные соли, бактерии. Я жую, а Карданик — нет: он питается только кашей и жидкостью. Мы почти одинаково ходим в туалет: он прямо в песок, а я — в наклонный слив или в тазик, который потом забирает какое-нибудь приспособление, чтобы, проскользнув между слоями обшивки, вытащить его наружу и перевернуть. Я делаю заметки, читаю коротенькие рассказы, которые пишет мне Карданик с помощью механической клавиатуры, встроенной в спинку моего кресла, а еще играю в шахматы с гидравлической рукой — она немного поскрипывает. Больше ничем особо не занимаюсь. Разговариваю сам с собой или тренируюсь. Я уже не раз пытался открыть люк, чтобы узнать, как там Виктор в голубом чане. Хотел поблагодарить его через иллюминатор. И посмотреть, что с ним стало — ведь поддерживать функциональность Карданика непросто. Виктор, наверно, пока не хочет говорить со мной, но я уверен: он способен это делать с помощью Карданика. Виктор мне все растолкует, и мы снова

сможем работать рядом, хотя и не в буквальном смысле, конечно. Порой мне хочется попросить его открыть дверь и выпустить меня из этого зверя. Конечно, если такая дверь существует. Задний проход, например. Но пока, думаю, слишком рано. Наверняка мы все еще не выбрались из ядовитых песков.

Виктор, кажется, повсюду: у штурвала, в булькающих трубах, на камбузе. Он — энергия, импульс, движущая сила. Текущий ремонт. Я постоянно пишу, что Карданик пашет изо всех сил, чтобы добраться до места назначения, и это правда, но понимаю, что и Виктор нам невероятно помогает. Я это чувствую. В конце концов его тело будет полностью израсходовано, но даже последняя клетка послужит, как хороший офицер. Крови потребуется немало, это уж точно.

Именно Виктор ведет нас по курсу. Лучше него с этим никто не справится, и, если честно, учитывая условия, в которых Виктор сейчас находится, мы не вправе требовать от него большего. А тряску можно и потерпеть. Как там говорит Карданик? Точно: «Мясо на пути мяса». Скоро лента конвейера снова доставит нам ужин. Мясной бульон и тушенное на пару мясо. Кстати, Виктор, тебе не больно, когда мы с Кардаником едим?

ИНТЕРЛЮДИЯ

Делать мне здесь в общем-то нечего, кроме как отмечать и классифицировать вылупившихся из яиц, поэтому в конце концов я стал проводить долгие месяцы за этими картами, пытаюсь докопаться до сути. Но не очень-то получается.

Если не считать неба, которое виднеется между трубами, эта пожелтевшая от времени, скукожившаяся от жары бумага, с захватанными бесчисленным количеством рук краями — мое единственное окно в Мир9. Все эти пятнадцать свертков с листами, закрученными в трубочку и замотанными тонкими кожаными шнурками, я нашел на капитанском мостике. Карты испещрены словами и циферками, выведенными четким, маниакально аккуратным почерком.

Мир9 — необъятная планета, запустение которой ранит глаз; почти вся она покрыта пустынями и бескрайними плоскогорьями, где почти нет городов. Местами, прерывая унылость рельефа, по бумаге змеится горная цепь, на которой отмечены самые высокие пики и — очень редко — высоты и перевалы.

Морей, конечно, много. Это еще одна пустыня, в крапинках островов, а на полюсах — паковые и вечные льды. Но вот уже несколько недель меня занимает шестнадцатая карта. На ней только одна надпись сверху: П Р Е И С П О Д Н Я Я.

Эта карта не похожа на остальные: нет ни названий, ни цифр. Но самое странное, что при естественном свете, который пробивается сюда на заре и на закате, все рисунки на ней в считанные секунды исчезают. Карта превращается в безжизненную пустыню. Словно солнечные лучи засвечивают ее, как обычную фотопленку.

Из «Дневников Юсуффа»

РОБРЕДО

Я сразу же должен был понять: есть что-то ненормальное в том, как оно на нас смотрит. Затаившись в песке. Поглощенное урчанием в своих кишках.

Но мне было всего одиннадцать, а в этом возрасте чудеса лишь изумляют. А не пугают. И потом, пустыня так огромна, что ты не сомневаешься — ее крылья тебя защитят, она сильнее любых бедствий. И всегда есть куда убежать.

Просто не надо было ничего трогать, тем более гадать, что это за... Ладно, какой смысл в сожалениях? В том, кем я стал теперь, виноват только тот день на дюнах, та встреча. И, возможно, еще неблагоприятие моего отца...

Из «Дневников Юсуффа»

Юсуфф приставил ладошку в перчатке козырьком ко лбу и посмотрел вверх. Отблески слепили, и, как бы он ни прищурился, видел только металлическую громадину, смазанную солнечными бликами.

— Пап, что это такое?

Конструкция была высокой, как собор, но неровно уходила в землю. Вокруг — полупогребенная в песке оранжерея из ржавых обломков и мелких деталей, которые ветром сдуло вниз. Рядом с местом, где своим изломом великан погрузился в дюны, угадывались очертания гигантских окружностей — абсолютно голых, без единого клочка покрышки, колес.

Рашид вытер нос рукавом и снял с плеча лук. Уже не одну неделю они преследовали ромбокрыла, и за все это время птица ни разу не спустилась достаточно низко, чтобы ее можно было подстрелить. Старик потратил зря дюжину стрел, их осталось всего штук шесть. Хуже того, он так напряженно вглядывался в небесную синеву, что его единственный здоровый глаз опух и покраснел. И постоянно сочился гноем.

Кашлянув, Рашид сплюнул черный сгусток в песок.

Птица же уселась на торчащий вверх обломок махины, держа в клюве еще живого якоренка, который должен был стать их ужином: маленький грызун яростно размахивал хвостом.

— Что это за штука такая, пап? — повторил мальчик.

Рашид пустил стрелу.

— Каменная мышь, мясо у нее нежное. Тебе понравится.

Мальчик, прихрамывая, отошел. Из песка торчали ошметки полуистлевшей резины и холстины, которые болтались на обломках какого-то каркаса, раздавленного колесами.

Юсуфф взобрался на дюну. На вершине повернулся и сморщил нос. От громадины ужасно воняло — мертвой плотью и птичьим пометом.

Отец натянул тетиву. Через секунду мальчик услышал, как он выругался.

Что-то коснулось кончика носа Юсуффа, зацепило на лету.

Перышко.

Рашид упал, стараясь держать руки в воздухе и не касаться ими песка. Оба рукава рубахи были выпачканы засохшей слизью. Как бы плохо он себя ни чувствовал — а яд вот уже несколько недель убивал его, медленно отравляя внутренние органы, — старался не показывать виду, держался изо всех сил.

Юсуфф разглядывал махину, на верхушке которой сидели десятки птиц. Целая колония, снизу и не увидишь. Наверх они натащили ошметки резины, чтобы построить гнезда среди обломков металла, заляпанного пятнами жидкого белого помета — гуано, отравляющего воздух и разъедающего глаза.

— Папа!

Вдруг ромбокрыл разинул клюв и выронил грызуна.

С неба, сложив крылья, спикировала еще одна птица, которая за мгновение до приземления вытянула лапы, чтобы сесть на острый как лезвие край железной пластины («что угодно лучше, чем песок!»). В крючковатом клюве она крепко держала большую рыбину. Чтобы выследить такую добычу, наверняка пришлось проделать не меньше тысячи километров.

Птица широко раскрыла клюв, и Юсуффу показалось, что он слышит, как рыба с глухими ударами падает в недра металлического великана.

Мальчик снова позвал отца, на этот раз громче.

У них только и было, что несколько полосок вяленого мяса, пара глотков воды да четыре стрелы.

— Пап, нам нужно забраться на эту штуку.

Старик шмыгнул носом и поворошил угли куском листового железа. Жарить на костре было нечего, но огонь они все равно развели — чтобы согреться.

— Может, мы там яйца найдем, — не унимался мальчик. — И стрелы больше я собирать не хочу.

Голыми руками песка никто не касался. Никогда. Иначе вся кожа покроется гнойниками.

Сын был прав, есть им больше нечего.

— Ладно, Юс, я завтра туда заберусь.

Мальчик пристально посмотрел отцу в здоровый глаз и кивнул; другой, левый, выглядел как матовая жемчужина, вделанная в оправу из струпов. Он сам залез бы на громадину, если бы нога снова не заболела:

— А я буду прикрывать тебя снизу стрелами.

Этот ребенок рассуждал уже совсем как взрослый; уроки отца не проходили впустую — каждый вечер у костра Юсуфф зачарованно слушал его рассказы об их бескрайнем и разнообразном Мире9, особенно о пустыне, которая рано делает из тебя мужчину. Рашид отвел глаза. Несмотря на темноту — а может, как раз из-за нее — махина казалась живой и выглядела жутко. Отец с сыном слышали настороженный стук птичьих лап, поскрипывание железа, сонное завывание ветра в металлическом корпусе. Доносящееся из-под песка глухое бормотание.

Громадина, наверное, простояла тут не один год, а, возможно, и не одно десятилетие.

— Ты ведь знаешь, что это, просто не хочешь мне говорить, да? — заладил свое Юсуфф. Мальчик разглядел семь букв, выгравированных на торчащей из песка металлической переборке:

— Эта штука называется Робредо.

Рашид снова сплюнул в огонь и вытер рот рукой. Как мог он сказать сыну, что они были просто добычей — такой же, какую птицы приносили в клювах, лишь чуть-чуть побольше? И Робредо в два счета мог поглотить их обоих, отца и сына вместе:

— Только не трогай, эта громадина хуже песка.

Вокруг Робредо птицы никогда не касались земли — так было испокон веков. Их гуано было лимфой/маслом/бальзамом и нектаром, который стекал по шестеренкам, поддерживая работу механизмов. Благодаря помету внутренности корабля постоянно смазывались и могли двигаться.

— А как же птицы? Почему им можно?

— Можно что?

— Сидеть на этой штуке и приносить ей еду...

Старик покачал головой:

— Не думаю, что там есть яйца, но все равно завтра поищу. А сейчас спи, сегодня никаких уроков. И ложись поближе, если боишься.

Птицы летали туда-сюда всю ночь — постоянно слышалось мягкое хлопанье крыльев. И не только оно: раздавались звуки шлепков, когда добыча, ударяясь о стены махины, падала сверху... внутрь... во чрево.

Отец с сыном спали плохо, постоянно просыпались: им снились болезни, которые разъедали плоть и

сжигали кости, снились движущиеся вверх-вниз поршни, зубчатые колеса, фланцы и подъемные краны.

Солнце. Под веками. Будто что-то взорвалось у самого лица, какой-то шкив разлетелся на две половины.

Он резко сел. Тяжело дыша.

Посмотрел по сторонам.

Птицы кричат. Кружат стаями в небе.

Костер погас.

— Папа!

Отца нигде не видно.

— Папааааа!

Мальчик оттолкнулся от песка здоровой ногой, вскочил и покрутился на месте, всматриваясь в даль: до самого горизонта только дюны, песок... И Робредо.

Он остался один.

В лучах восходящего солнца металл отливал кроваво-красным, ядовитым цветом.

— ПАПАААААА!

Наконец увидел следы. Поковылял в ту же сторону: сердце бешено колотилось, левая нога волочилась по песку.

— Юсуфф! — На самой верхушке разваливающейся громадины кто-то махал рукой.

— Папа, как ты меня напугал!

Старик нагнулся, на какое-то время скрылся из виду, а потом появился снова, спустившись на несколько метров ниже. Эта махина, наверное,— настоящий лабиринт из острых обломков и листов железа, так отшлифованных ветром, что по ним можно скользить на заднице.

Птицы истошно вопили и яростно хлопали крыльями: они решили, что до гнезд им не добраться, и, вернувшись с охоты, сбрасывали добычу с неба. Как живые бомбочки, вниз то и дело падали грызуны и ящерицы, крупные жуки и жившие в дюнах змеи.

Рашид, в одних штанах, спрыгнул на песок. Несмотря на пожиравшую его изнутри болезнь, двигался он очень проворно. В руке старик держал завязанную в узел рубаху, куда собрал немного божьих даров. От шевеления плененной жизни мешок ходил ходуном. Но сразу развязывать узел Рашид не стал — покрутив мешком над головой, он несколько раз ударил им по ступице колеса.

— Что у тебя там? — спросил Юсуфф.

— Смотри.— Старик высыпал содержимое на песок.

Из рубахи выпали две окровавленные мышинные тушки, наполовину раздавленная ящерица и еще живой скорпион. В центре лежало немного помятое яйцо из блестящего металла.

— Что это такое? — спросил Юсуфф, схватив его на мгновение раньше отца.

На теплом металле не было ни одной трещины — только пара вмятин от ударов о колесо.

Мальчик поднес яйцо к уху и потряс. Что-то едва слышно звякнуло о скорлупу, словно выражая недовольство. Как будто внутри — крошечная пружинка или какая-то другая деталька, еще более хрупкая.

— Пап, мы сможем его продать?

Рашид отобрал у сына яйцо: он положил его в мешок случайно, обманутый венозным светом утреннего солнца там, наверху.

— Даже не думай. Знаешь, что это? Мы вернем его матери.

Юсуфф непроизвольно посмотрел наверх. Птицы перестали кружиться и решили, что можно вернуться в гнезда. Или снова отправиться на охоту, чтобы принести шестеренкам корабля еду.

— Робредо живой, да, пап?

— Конечно. Он будет жить, пока там останутся птицы. И их помет.

— А яйцо? Отнесешь его обратно наверх?

— Можно просто положить между колесами.— Рашид покрутил яйцо, и в нем снова что-то зазвенело. На этот раз звук стал порешительнее, будто существо внутри немного подросло.

— И оно станет большим?

Старик вытащил зажигалку:

— Ты есть хочешь?

Юсуфф кивнул.

— Мышь, ящерица или скорпион?

Если о яйцах можно забыть, тогда...

— Ящерица!

Папа так и не отнес яйцо на место, как обещал. Но я не хочу его в этом винить, он просто забыл, вот и все. А когда яйцо снова оказалось у него в руках... просто времени уже не было. Столько всего произошло. Внезапно, как бывает в пустыне...

...когда вдруг после долгих месяцев засухи и палящего солнца идет дождь!

Одной ящерицы на двоих (грызунов есть никто не стал) маловато, чтобы заключить перемирие с желудком, но это, по крайней мере, чуть-чуть взбодрило отца с сыном. Рашид поменял тетиву лука и отправился на разведку к Робредо, а Юсуфф снова вскарабкался на дюну и стал смотреть на птиц, парящих в вышине.

Он заметил, что кислотный свет пустыни изменил свой оттенок. Кажется, это чувствовали и птицы, которые нервно перебегали от гнезда к гнезду и тыкали друг друга острыми клювами.

С севера быстро надвигалось покрывало черных туч. На горизонте за Робредо песок и небо слились во мрак.

Над самой машиной оглушительно ударил гром. И сразу же подул сильный ветер.

Юсуффу почудилось что-то странное в волосах. Будто кто-то дергал то за одну, то за другую волосинку.

— Папа! — закричал мальчик.

Старика нигде не видно — наверно, он по другую сторону металлической громадины. И не слышит, как его зовет сын, — может, из-за поднявшегося ветра.

У Юсуффа мороз пробежал по коже, руки покрылись мурашками.

Щелканье клювов, шлепки о корпус машины, скрип листов железа.

Мальчик вскинул голову. В небе кружило лишь несколько птиц, еще не успевших укрыться внутри Робредо.

— ПАПААААААА!

Снова ударил гром.

Юсуфф стал спускаться с дюны и заметил, что машина зашевелилась: огромная металлическая пластина

сдвинулась в сторону, повернувшись на сорок пять градусов против часовой стрелки. И со щелчком встроилась в корпус. А может, это просто ветер — слишком далеко, чтобы рассмотреть хорошенько.

Ноги увязли в песке, и Юсуфф упал. Метров десять он катился вниз по дюне, плотно сжав губы и зажмурив глаза. Поднявшись на ноги, сразу же стал отряхиваться перчатками.

Поздно. Песчинки облепили его с ног до головы. Как глупо все получилось. Ведь он мог умереть.

С неба упала капля. Мальчик запрокинул голову.

Сразу за первой последовали вторая и третья: они били ему прямо в лоб.

Тяжелые, как орехи.

Папы нигде не было видно. Волоча больную ногу, Юсуфф подошел к Робредо: он кричал что есть мочи, голос срывался от ужаса.

Ни звука в ответ. Дождь усилился, капли текли по лицу, смешиваясь с солеными слезами.

Он плакал — от страха и от чувства, что его бросили.

Глядя на махину с подножия дюны, Юсуфф уже не сомневался: Робредо жив и сейчас, чтобы защититься от дождя, задраивает люки и сдвигает переборки. Огромные металлические пластины надвигались одна на другую с таким страшным лязгом, что волосы на голове вставали дыбом; но выглядело это удивительно грациозно — будто цветок во время грозы закрывает лепестки.

Два неистовых раската грома, слившиеся в один.

И снова скрип петель и щелканье десятков невидимых запоров — один оборот, два оборота.

В полусотне метров ударила молния, и в воздух взметнулся фонтан из песка и обломков железа. Совсем рядом с Юсуффом воткнулась тяжеленная металлическая пластина с острыми краями.

Ливень с бессмысленной яростью хлестал по бокам машины.

Расплавленный свинец неба то и дело пронзали молнии, их отблески плясали по металлическому корпусу Робредо и возвращались обратно. Стало темно как ночью.

В нескольких шагах от Юсуффа из дюны что-то выснулось: ржавоед, с венчиком пушистых лепестков. Подставил стебель под дождь. За пару минут мальчик насчитал еще полдюжины — эти маленькие росточки, не больше ладони в высоту, вылезли из песка повсюду, куда можно было добраться взглядом.

Плач Юсуффа вдруг перешел в крик. А крик сменился воплем ужаса, когда он понял, что заперт снаружи, вместе с цветами и дождем. И некуда спрятаться, ведь вокруг — только пески.

Папа был внутри; от этой мысли Юсуфф чувствовал боль, как от капель, бьющих по щекам. И изменить хоть что-то он не в силах.

Мальчик поднял голову. Птиц больше не видно, они все забрались в машину. Из недр Робредо слышалась оглушительная какофония.

Юсуфф остался ОДИН... Песок, может, его и не убьет. Но убьет что-нибудь другое. Молнии или голод, ржавоеды или чувство, что его бросили, которое сдавило грудь и за считанные минуты высушило слезы.

В первый раз в жизни я действительно остался один. И не был к этому готов: никто не учил меня справляться с внезапно навалившимся, разрушительным ощущением пустоты внутри. Я был парализован страхом и не знал, что делать. Искренне, как ребенок, который цепляется за реальность, чтобы не поддаваться отчаянию, я благодарил дождь, ведь он поставил передо мной задачу, которую нужно срочно решать: как выжить.

Минут десять я безуспешно пытался найти вход в эту машину; наконец сдался грозе и забрался между ступицами колес Робредо — там было темно и очень тесно, над головой нависал потолок цвета черной смолы, откуда слышалось чье-то клокотание.

Такое странное ощущение — будто какая-то незримая, неподвластная мне пуповина спустилась с Робредо, чтобы предложить обмен: непрочное чувство защищенности вместо моей чудовищной боли.

Воняло гнилью, а я все пытался усесться поудобнее и вытянуть больную ногу.

Сухой песок был усыпан кусочками меди, которые переливались, как рыба чешуя. Мне уже было все равно, можно их трогать или нет. Отец исчез, я остался один и погибну, если мне никто не поможет. Никакой дверцы, никакого люка, никакой ручки, которую можно повернуть и очутиться внутри Робредо, мне найти не удалось.

Я зачерпнул в руку песок и смотрел, как он сыплется между пальцами, песчинка за песчинкой. Наконец в перчатке осталось только несколько коричневых крупиц.

Ржавчина!

Чума машин! О ней мне как-то рассказывал папа: говорил, это — яд, но нам он не страшен, это — пыль времени, которая оседает на шестеренках, карданах и зубчатых колесах, в конце концов останавливает их и убивает.

Ржавая мука посыпалась мне на волосы — я потряс головой.

Тогда-то, наверное, я и увидел яйцо.

Юсуфф вытянул руку из-под навеса. Дождь — как теплая моча, но капли уже не такие частые. Он посмотрел на сухой песок — все крупинцы ржавчины исчезли.

По дюнам бежали тени облаков. Еще минут десять, и гроза полностью пройдет.

Мальчик принялся массировать больную ногу. Он промок до костей, но этот внезапный душ, по крайней мере, смыл ядовитый песок. Из клокочущего мрака на Юсуффа вылилась ржавая вода, он постарался отряхнуться.

Потом вылез из укрытия, выпрямился и поднял голову.

В этот миг небо треснуло, как яичная скорлупа. Из прорехи в тучах показался желток солнца.

Бог знает откуда появился огромный ромбокрыл и, прежде чем усесться на верхушку Робредо, совершил несколько пируэтов. Ему явно не терпелось отпраздновать победу над бурей. Не за этой ли птицей они с отцом гонялись так долго?

Отец... Мысль о том, что он больше его не увидит, придавила мальчика как огромный валун.

Дождь закончился, но вылететь из укрытия вслед за ромбокрылом не отважилась пока ни одна птица.

Как раз тогда Юсуфф и заметил яйцо, торчащее из мокрого песка. Оно блестело от капель дождя и казалось совершенным, несмотря на две заметные вмятины.

Мальчик поднял яйцо. Почувствовал, что металл горячий и... вибрирует.

Птичий крик. Юсуфф посмотрел вверх. В небо взмыл ромбокрыл. Сделал пару кругов над головой мальчика и сел на песок метрах в десяти.

— Оно твое? — спросил Юсуфф, протягивая яйцо. — Хочешь его забрать?

Птица подскочила чуть ближе. Она казалась вполне миролюбивой.

— Хочешь, чтобы я положил его обратно в гнездо?

Птица набралась еще храбрости. Теперь от Юсуффа ее отделяло меньше четырех шагов. Этот ромбокрыл выглядел великолепно: весь черный, только вокруг длинной шеи белый воротничок, а размах крыльев — по меньшей мере метра два.

Юсуфф сделал полшага назад.

Дзынь. Что-то у него за спиной брякнуло, задев ступицу, и шлепнулось в песок.

Вздвогнув, мальчик резко обернулся. Между колесами Робредо лежала квадратная пластина — как раз там, где он только что прятался от грозы. На песке обозначился квадрат теплого света, льющегося из металлического чрева, — сверху, оттуда, где еще недавно стоял густой мрак.

Робредо открылся.

«Папа, наверное...»

Я отнес яйцо на место. Не знаю почему. Может, потому что понимал: именно там оно должно находиться. И потом, птица встала между мной и пустыней, так что было никак не убежать.

В смысле, это решение принимал не я. Так сложились обстоятельства, с которыми я тогда ничего не мог поделать.

И мне так хотелось найти папу!

Яйцо обжигало руки; я чувствовал — его тепло должно было мне о чем-то сказать, но я не понимал, о чем именно.

В общем, я радостно положил его на палубу Робредо и присел на корточки, чтобы посмотреть, где очутился. В каком-то невероятном чуде из металла и шестеренок, клапанов и шкивов, карданов и поршней, зубчатых колес, и цепочек, и труб, и...

В свете, который лился сверху, виднелась металлическая лестница, ведущая в чрево Зверя.

Одной рукой ухватившись за ржавые перекладки, а другой крепко прижимая яйцо к груди, Юсуфф с трудом вскарабкался на борт Робредо, таща больную ногу как мертвый груз. Выглянул из люка, просунул плечи, уперся локтями и вытащил себя наружу.

В глаза ударил ослепительно белый свет.

Машина оказалась намного больше, чем виделась снизу, и у Юсуффа перехватило дыхание. Потолок, покрытый лабиринтом труб, был высотой метров десять и почти скрывался во мраке.

Юсуфф поморщился. Чем-то воняло... Чем это?.. Птицами!

Защищаясь от солнечных бликов, мальчик зажмурился и прикрыл глаза ладонью. В воздухе висел какой-то странный туман.

Частички пыли, такие большие, что чувствовались на языке.

Юсуфф положил яйцо на белоснежный ковер из гуано. Перчатки запачкались белым маслом.

Все механизмы, окружавшие мальчика, работали. Кто-то включил их и поставил на минимальную мощность, так что они лишь приглушенно стонали. Сдержанно урчали.

— Папа!

Ответило лишь эхо.

Юсуфф сделал несколько шагов, стараясь не поскользнуться.

— ПАПАААА, ТЫ ТУТ?

Повсюду были птичьи перья: они покрывали белый пол, как снежинки, вились в воздухе, потревоженные работающими механизмами. Но самих птиц он не увидел.

Клубы пара. Выхлопы из клапанов и труб.

Юсуфф закашлялся: дышать было нечем. И жутко воняло слежавшимися перьями.

— ПАПАААА, ЭТО Я!

Ответа нет.

Пошел дальше по скользкому полу.

Над головой — стук лап. Между трубами.

Он поднял голову.

По волосам скользнуло перо.

Юсуфф подошел поближе к одному из механизмов — хотел разглядеть его повнимательнее. Увидел

огромный клубок медленно вращавшихся шестеренок, которые двигали несколько шкивов, исчезавших во мраке потолка. Ни головки, ни хвостовика не было, и вообще устройство, похоже, только и могло что производить приглушенный шум. Бесплезное.

Мальчик вытянул шею и пригляделся. Между шестеренок, в латунной чашке, лежали два зуба, вырванные с корнем.

Через секунду туда же со звяканьем свалился третий. Кровь на нем еще не высохла.

Юсуфф отшатнулся. Потерял равновесие и упал.

Над головой судорожно захлопали крылья.

Мальчик попытался подняться. Но ладони поехали, и он упал лицом прямо в белую кашицу. Поднял голову. Один глаз залеплен жижей. Сплюнул покрывавшую губы дрянь, но привкус остался. Привстал на здоровое колено.

Голова кружилась, сердце бешено колотилось. Юсуфф зажмурился. А когда открыл глаза, увидел, что вокруг — птицы. Десятки, сотни...

Они спустились из гнезд, свитых между трубами, и теперь внимательно его разглядывали. Некоторые все еще держали в клюве добычу — небольших ящериц, скорпионов, грызунов и даже рыбок.

Робредо был их королевством, а я — вторгшимся в него чужаком. Такого большого и враждебно настроенного они еще встречали. Я разревелся, а птицы, наверно, решили, что это какая-то угроза. Одни улетели в гнезда, другие сомкнули ряды, приготовившись к худшему.

Но битвы не последовало.

Я был всего лишь испуганным, отчаявшимся ребенком, вымокшим до нитки птенцом, который в тот самый миг, когда свет погас, понял, что он в ловушке. И вырваться из нее невозможно.

В первый момент я почти ничего не видел.

Раздался грохот движущихся механических частей. Лязг листов металла. Скрежет.

Я посмотрел на потолок.

Панели над лабиринтом труб быстро меняли положение, пересекались и надвигались одна на другую в круговороте нахлестов, как в какой-нибудь карточной игре. Солнечный свет ударил как кувалда, зажигая блики на гуано.

Изменился даже ритм работы механизмов. В латунной чашке постоянно что-то звякало.

Сзади послышался звон металла.

Юсуфф обернулся. Яйцо вибрировало.

Звон повторился, на этот раз громче, и на поверхности появился нарост. Он посинел, почернел и вдруг оторвался, как гнойный фурункул.

Что-то светящееся и раскаленное прорезало отверстие в скорлупе. Из яйца высунулся коготь, который изо всех сил пытался увеличить дырку.

Птицы расправили крылья и, перебравшись через сплетения труб и движущиеся панели, взмыли ввысь. Юсуфф смотрел, как они разлетаются в разные стороны. Слишком высоко — ему, наверно, никогда не забраться на верхушку махины, не выглянуть наружу, не спрыгнуть на песок. Не стать свободным.

Металлическое созданийце у него за спиной выбиралось из скорлупы. И дымилось. Пара секунд — и оно, перевернувшись, свалилось в гуано. Это был уродец из смазанных соплями колесиков и шестеренок, за спиной у которого торчало толстое крыло из сырых перьев — вроде хвоста или корабельного руля. Наполовину птица, наполовину... Робредо.

Воняло тухлыми яйцами.

Существо встало и, пошатываясь, направилось к стене. Будто точно знало, куда идти.

Юсуфф наблюдал, как создание ковыляет к цели, а его единственное крыло волочится по полу, оставляя загогулины на мягкой глазури. Мальчик поднялся и пошел следом.

Добравшись до стены, существо снова выпустило свой раскаленный коготь и начало водить им по металлу, пока не вырезало кусочек размером с круглую монету, а потом умудрилось приварить эту железку к своему телу.

— Что ты вообще такое?

Услышав эти слова, уродец поднял крыло, чтобы защитить свои самые уязвимые шестеренки. И взъерошил перья.

Юсуфф присел на корточки. Подходить к твари слишком близко он боялся, не говоря уже о том, чтобы ее потрогать. Будь папа рядом, он бы все ему растолковал: это существо — все-таки машина или птица? Оно вылупилось из яйца, но яйцо было металлическим. Вместо органов у него механизмы, но ведет оно себя как животное. Дымится, как паяльная лампа, но реагирует на звуки. Работает и живет. Не дышит, но растет...

Существо судорожно захлопало единственным крылом и отпрыгнуло под двигающиеся поршни — там Юсуффу до него не добраться.

Мальчик потер щеки и вернулся туда, где сидел раньше; маленького люка, через который он сюда залез, видно не было, везде ровным слоем лежала белая жижа. Сняв перчатки, Юсуфф поскреб пол ногтями, но... Дверцы нет: она, наверно, так плотно приварилась к полу, что не осталось даже стыков.

Утерев слезы, мальчик проверил каждый сантиметр пола и стен — сначала обшарил взглядом, а потом и пальцами. Робредо словно был выкован из монолитной стальной плиты, согнутой тут и там руками демона. Как гигантское оригами. Или, может, вылупился из яйца, такого огромного, что оно касалось неба. Или вырос из песка как чудовищный чертополох-ржавоед — пожирал ящериц и грызунов и становился все больше и больше.

Ища люк, Юсуфф наткнулся на кучу всякой всячины; раньше на борту явно кто-то жил — видимо, небольшой экипаж. Он нашел складной ножичек, три ложки, помазок для бритвы, маленькую сковородку, полдюжины костяшек домино, фуражку со знаками различия и две пары противозумовых наушников. И, главное, — стопки кожаных комбинезонов в рундуке и батарею рабочих сапог.

Папа объяснял ему, что Робредо — транспортное судно, экипаж которого состоит из нескольких десятков человек: капитана, его помощника, стража песков, штурмана, кочегаров, рабочих в машинном отделении, техников-очистителей, поваров и всяких чернорабочих.

Мальчика особенно заинтересовали большие металлические цилиндры с дырочками, валявшиеся на полу. Он подобрал один: часть отверстий забита птичьим пометом. Подул в них и вытер цилиндр перчаткой.

Рядом стоял какой-то инструмент — пианола, наверное. Сбоку — круглое углубление, по размерам — как раз для цилиндра. Юсуфф сунул туда руку: пусто. Он еще раз дунул в дырочки и вставил цилиндр в углубление.

Сначала ничего не произошло...

Наверное, как раз тогда я окончательно понял, что отца больше никогда не увижу. Да, Робредо решил разговаривать со мной его голосом. Как он это сделал — тайна, разгадать которую я не могу даже сейчас, годы спустя.

Все же я отчасти благодарен Робредо за то, что он в какой-то степени «вернул» мне отца. Папа снова был рядом, хотя сначала я боялся даже представить, как именно: что от него осталось, а что — утрачено навсегда.

Зубы, лежавшие в чашке, конечно, принадлежали ему, как и кровь, которая постоянно капала из труб на потолке. Потом я нашел и сапоги — они зацепились за пару поршней. Маленькие птички то и дело носили в клювах пучки его волос.

С того дня Робредо/папа стал говорить со мной регулярно.

И со временем я осознал свою судьбу и свое новое предназначение.

Он — пленник. Заложник. Жертва. Уцелевший.
— Ты будешь заниматься яйцами!